

7. Сергеева Д. В. Концепт «радость» в творчестве Ф.М. Достоевского: культурологический аспект / Д. В. Сергеева // Художественная концептосфера в произведениях русских писателей : сб. науч. ст. / ред. и сост. М. М. Полехина. – Магнитогорск : МаГУ, 2010. – Вып. II. – С. 40–45.
8. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов. – Москва : ООО «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2003. – 944 с.
9. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Академический Проект, 2001. – 990 с.

References

1. Biblija. Knigi svjashhennogo pisanija Vethogo i Novogo Zaveta. St. Petersburg, Lenizdat, 2007. 1243 p.
2. Vezhbickaja A. Jazyk. Kul'tura. Poznanie / ed. M.A. Krongauz. Moscow, Russkie slovari, 1997. 416 p.
3. Vorkachev S. G. Schast'e kak lingvokul'turnyj koncept. Moscow, Gnozis, 2004. 236 p.
4. Dostoevskij F. M. Idiot: Roman v chetyrjoh chastjah // Sobranie sochinenij : in 7 vol. Moscow, Leksika, 1994. Vol. 3. 624 p.
5. Kognitivnyj slovar' literaturno-filosofskogo diskursa / ed. D. M. Bychkov, E. N. Badalova. Astrakhan, Publishing House «Astrakhan University», 2014. 268 p.
6. Sal'verstoni, S. Biblejskie i svjatootecheskie istochniki romana Dostoevskogo. St. Petersburg, Akademicheskij proekt, 2001. 187 p.
7. Sergeeva D. V. Koncept «radost'» v tvorchestve F.M. Dostoevskogo: kul'turologicheskij aspekt // Hudozhestvennaja konceptosfera v proizvedenijah russkih pisatelej. Magnitogorsk, 2010. Iss. II, pp. 40–45.
8. Ozhegov, S.I. Tolkovij slovar' russkogo jazyka. Moscow, «ИТИ ТЕХНОЛОГИИ», 2003. 944 p.
9. Stepanov Ju. S. Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury. 2nd ed. Moscow, Akademicheskij Proekt, 2001. 990 p.

ИРОНИЯ Ф. ИСКАНДЕРА В КОНТЕКСТЕ ПОСТМОДЕРНИЗМА (на примере философской сказки «Кролики и удавы»)

Шевель Екатерина Анатольевна, кандидат филологических наук, Пятигорский государственный лингвистический университет, 357532, Россия, г. Пятигорск, пр. Калинина, 9, e-mail: shevel55@mail.ru.

Сяо Гоминь, преподаватель, Чанчуньский педагогический университет, Кунтай, провинция Цзилинь, г. Чанчунь, р-н Эрдао, ул. Цзичаньбэйлу, 677, 吉林省·春市二道区吉·北路677号, e-mail: shevel55@mail.ru.

В статье рассматривается ироническое мировосприятие автора «Кроликов и удавов» Фазиля Искандера. Автор показывает игру писателя с читателем, которая характеризуется многоаспектностью. Ирония Искандера, воплощённая на разных уровнях художественного текста, локализуется как в сфере авторской субъективности, так и в персонажной сфере произведения.

Ключевые слова: Искандер, ирония, картина мира, художественный текст, языковая игра, философская сказка

IRONY ISKANDER IN THE CONTEXT POSTMODERNISM (for example, a philosophical tale "Rabbits and boas")

Shevel Ecaterina A., Candidate of Philological Sciences, Pyatigorsk State Linguistic University, 357532, Russia, Pyatigorsk, 9 Kalinin ave., e-mail: shevel55@mail.ru.

Xiao Guomin, teacher, Changchun Normal University, China, Jilin Province, Changchun, district Erdal str. Tszichanbeylu, 677, 吉林省·春市二道区吉·北路677号, e-mail: shevel55@mail.ru.

The article discusses the ironic worldview author "Tanya and Mike" Fazil Iskander. The author shows off the writer to the reader, which is characterized by multidimensionality. Iskander irony embodied at different levels of a literary text is localized both in the author's subjectivity, as well as in the field of character work.

Keywords: Iskander, irony, world, literary text, a language game, a philosophical tale

Реализация авторской позиции, экспликация отношения к высказываемому в рамках художественного дискурса определена авторской интенцией, основанной на коммуникативной функции языка. Любой фрагмент художественного текста потенциально имеет транзитивные признаки, характеризующие эстетическое воздействие. Авторское мировосприятие, прямо или косвенно воплощённое в произведении, отражено в выборе определённых изобразительно-выразительных средств, которые вносят свой вклад в реализацию художественной задачи.

Экзистенциальная диалектика художественного текста «Кролики и удавы» проявляется на уровне языковой игры как переосмысления бытия языкового знака и иронии как эмоционально-ценностной ориентации художественного текста. «Ирония есть ощущение возможности иного контекста, других точек зрения, и пресловутая противоположность как формальный показатель иронии именно потому выступает в этом качестве, что ярче всего демонстрирует такую возможность, т.е. наличие иной системы координат, где некая сущность, утверждаемая первой системой в качестве ценности, перестаёт быть таковой. Ирония – знание (или как минимум подозрение) об относительности высказываемой истины» [1, с. 89–90].

Между литературной личностью (в терминологии Ю. Тынянова), особенностями воплощения содержания художественного произведения в его форме и национальным характером невозможно установить прямые параллели, однако глубинная аналогия между ними, бесспорно, существует: национальное начало представляет собой некий инвариантный компонент в структуре творческой личности, являясь продуктом длительного исторического развития: «Национальное пронизывает все уровни организации языковой личности, на каждом из них приобретая своеобразную форму воплощения, и застывший, статический и инвариантный характер национального в структуре языковой личности отливаётся в самом языке в динамическую, историческую его составляющую» [3, с. 42]. Даже в случае, когда писатель создаёт свои произведения не на родном языке либо является билингом, этноспецифическое становится одним из важных факторов, формирующих его идиостиль.

Подчёркнём также, что универсальная картина мира лежит в основе национальной картины мира; данный тезис убедительно доказан современной когнитивной наукой и не подлежит сомнению. Одним из плодотворных современных научных подходов к изучению индивидуальной картины мира, воплощённой в художественном тексте, является осмысление статуса языковой игры в семантическом пространстве художественного мира. Философская сказка Ф. Искандера «Кролики и удавы» представляется нам весьма интересным полем для приложения методик изучения языковых игровых аспектов, поскольку именно синкретичные в своей жанровой основе произведения (каковым, в частности, является и произведение Ф. Искандера) дают возможность оценить игровую природу художественного творчества и мировосприятия творческой личности в целом, причём ирония, воплощённая на разных уровнях художественного текста, локализуется как в сфере авторской субъективности, так и в персонажной сфере произведения.

Наличие на всех уровнях текста, ирония главным образом реализуется на идейно-тематическом, сюжетном и образном уровнях: для её полноценного восприятия зачастую бывает недостаточно не только фразового, но и высших уровней, включая текстовый. Обращаясь к конкретному воплощению иронии в философской сказке Ф. Искандера, необходимо особо подчеркнуть, что приведённые в тексте работы примеры лишь выборочно характеризуют ироничный по своему характеру текст «Кроликов и удавов». Ироническое мировосприятие автора воплощено в нём как в микро-, так и в макроконтекстах, локализуется как в рамках изобразительно-

выразительных средств, так и на уровне сверхфразовых единств и в семантическом пространстве художественного мира в целом. Условно игровую направленность авторской иронии возможно квалифицировать как эксплицированную в контекстах, характеризующих действия персонажей, собственно сюжетную канву произведения, так и авторские отступления, оценки, аксиологический компонент индивидуальной картины мира Ф. Искандера.

В приводимых фрагментах курсивом выделены те сегменты текста, которые с наибольшей полнотой характеризуют авторскую многоаспектную иронию, что, конечно, не означает отсутствия системного влияния иронии на весь макроконтекст.

«Впоследствии туземцы усвоили этот обычай удавов *придавать оскорблению расширительный смысл, чтобы скрыть долю своей подлости, если дело касается подлеца, или долю своей мерзости, как в этом случае, если дело касается мерзавца*» [2, с. 40]. В приведённом фрагменте авторская ирония обращена и против туземцев как народа, стоящего на низшей ступени развития по отношению к удавам и кроликам, что отсылает читателя к традиции средневековой сатиры, а также мениппеи, репрезентирующих совершенно невозможные в реальной действительности факты.

«Косой, ещё не ставший косым, услышав голос Великого Питона, *пришел в ужас, ведь он был в бессознательном состоянии и не мог поднять головы во время чтения гимна*» [2, с. 33]. Здесь Искандер иронично подчёркивает значимость методов устрашения в жизни государства удавов – тоталитарного режима, а также роль ритуала в сохранении целостности данного социума.

Характеризуя Косого, автор совершенно чётко обозначает типичные черты гражданина тоталитарного общества, который постоянно живёт под страхом наказания: «На всякий случай, пока другие удавы не догадались, кто кричал, он *стал озираться как бы в поисках оскорбителя царя*» [2, с. 40].

Демагогические высказывания Великого Питона напоминают речи глав тоталитарных режимов своей мнемонической четкостью, афористичностью, ярко выраженной интенцией: «– *Твой желудок стал трибуной кролика*, – сказал он грозно, – но ты за это поплатишься, жалкий инвалид» [2, с. 42]; «Удав, из которого говорит кролик, это не тот удав, который нам нужен» [2, с. 42]; «...Кролик, проглоченный удавом, может стать удавом. – Но почему, о Царь? – вопрошали удавы. – Потому что кролик, переработанный удавом, превращается в удава. Значит, удавы – это кролики на высшей стадии своего развития. Иначе говоря, мы – это бывшие они, а они – это будущие мы» [2, с. 42–43].

Целые эпизоды Ф. Искандер строит на основе аллюзий и реминисценций, которые раскрываются читателем в зависимости от совокупности прецедентных текстов, которыми располагает культурная память реципиента: «– Братцы, – шептал им <стражникам> в это время Косой, – помилосердствуйте, ведь меня слоны затопчут вместе с кроликом.

– *Кролики тебе братцы*, – отвечали стражники, увлакивая его в глубину джунглей.

– Кролики! – все еще доносился голос дерзкого кролика. – Один кролик сбежал из пасти удава! *Царь сам рассказывал!*

– Хи-хи-хи, – вдруг раздался *ехидный* смех Коротышки, – сам говорил, шипите шёпотом, а сам племенную тайну разгласил» [2, с. 43].

Искандер отсылает читателя к характеристикам исторической памяти в рамках советской идеологии с известной долей иронии, даже сарказма, подчёркивая излишнюю увлечённость великим прошлым страны: «– О Царь, – взмолился Косой, – вы, *как всегда увлекшись великим прошлым*, забыли, что во мне кролик. – Ну и что? – перебил его Великий Питон. – И во мне кролик и к тому же не единственный...» [2, с. 41].

Авторские ремарки, описания, замечания, адресованные непосредственно читателю, реализуют, по крайней мере, две цели:

1) создают наиболее обобщённый образ адресата художественного текста, что традиционно для мировой литературы;

2) влияют на корректировку достижения художественной цели произведения – философски осмыслить природу государственной власти.

Эстетическая игра в художественном тексте – это не только конкретные изобразительно-выразительные средства. Комбинируя фрагменты реального и воображаемого миров, автор ведёт такую игру с читателем. Если между автором и читателем возникает контакт, то читатель оказывается вовлечённым в эту игру. Нравственная и эстетическая значимость художественного текста зачастую начинают предопределять сознание и формы существования человека, что используется литературой прямо и косвенно. Художественное произведение становится в той или иной степени «предупреждением», позволяя читателю «пережить в тексте» духовный опыт, не сталкиваясь напрямую с какими-то конкретными ситуациями. Обыденный язык, будучи постоянно употребляемым «инструментом», нивелирует образную природу слова, тогда как художественный дискурс намеренно культивирует способность языка создавать образы.

Список литературы

1. Иванова И. Н. Типология и эволюция иронии в поэзии русского модернизма (1890–1910 годы) : дис. ... д-ра филол. наук / И. Н. Иванова. – Ставрополь, 2006. – 528 с.
2. Искандер Ф. Кролики и удавы; Созвездие Козлотура; Детство Чика: притча, повесть, рассказы / Ф. Искандер. – Москва : Эксмо, 2009. – 832 с.
3. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – 1-е изд. – Москва : Наука, 1987. – 264 с.

References

1. Ivanova I. N. Tipologiya i evolyutsiya ironii v poezii russkogo modernizma (1890–1910 godyi). Stavropol, 2006. 528 p.
2. Iskander F. Kroliki i udavyi; Sozvezdie Kozlotura; Detstvo Chika: pritcha, povest, rasskazyi. Moscow, Eksmo, 2009. 832 p.
3. Karaulov Yu. N. Russkiy yazyik i yazykovaya lichnost. 1st izd. Moscow, Nauka, 1987. – 264 p.

САТИРА В ТВОРЧЕСТВЕ М.А. БУЛГАКОВА: ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ

Покотыло Михаил Валерьевич, кандидат филологических наук, Ростовский государственный университет путей сообщения, 344038, г. Ростов-на-Дону, пл. Ростовского Стрелкового полка Народногo ополчения, 2, e-mail: www@gups.ru.

В статье предпринята попытка рассмотреть специфику сатиры известного писателя и драматурга XX века М.А. Булгакова. Автор статьи полагает, что, используя различные жанровые формы и приёмы, писатель сатирически осмысливает современную ему советскую действительность и критически отвергает возможность искусственного революционного пути. Сатирические произведения М.А. Булгакова отнесены с этих позиций к жанру сатирической антиутопии.

Ключевые слова: антиутопия, булгаковедение, сатира, жанр, жанровый синкретизм

SATIRE IN THE CREATIVITY OF M.A. BULGAKOV: TRADITIONS AND INNOVATIONS

Pokotylo Michael V., Candidate of Philological Sciences, Rostov State University of Railway Transport, 344038, Russia, Rostov-on-Don, 2 Rostov Rifle Regiment of the People's Militia sq., e-mail: www@gups.ru.